

Закончив обход окрестностей и прикинув время, молодые люди собрались возвращаться. В этот момент на тропинке, вьющейся вдоль пруда, показалась женщина с увесистой корзиной за спиной. Заметив Цинъюя и его спутника, она расплылась в широкой улыбке.

У юноши по затылку пробежал неприятный холодок.

— Тётушка Нянь.

Нянь Фанъюнь была невесткой Цинь Лихуа и дальней родственницей Янь-гээра. Именно от неё тот когда-то разузнал о дурной славе Цинъюя как «звезды несчастья», раздув из этого целую историю.

— Ох! А это, стало быть, жених нашего Юй-гээра?

Тётушка Нянь была женщиной сухощавой и невысокой, но энергии ей было не занимать. По натуре она была прямолинейна: если кто ей нравился — одаривала лучезарной улыбкой, а если нет — и взгляда в ту сторону не бросала.

Жених... Цинъюй молча кивнул. Теперь это и впрямь было так.

Фан Вэньли вежливо поклонился:

— Тётушка Нянь.

Это обращение явно пришлось женщине по душе. Она тут же скинула корзину, разгребла верхний слой травы для свиней и достала четыре или пять побегов зимнего бамбука. Каждый из них был размером с ладонь — белые, крепкие, словно отборная зимняя редька.

— Юй-гээр, держи! Неси домой.

— Тётушка Нянь, что вы, не стоит... — Тао Цинъюй замахал руками, пытаясь отказаться.

— Подумаешь, пара побегов! У меня в бамбуковой роще их пруд пруди, — великодушно отмахнулась Нянь Фанъюнь.

Она буквально впихнула бамбук в руки Фан Вэньли и приказала:

— Держи! Живите дружно, молодые.

Женщина обернулась и ласково похлопала юношу по руке.

— Мне пора, свиньи некормленные ждут.

Тётушка Нянь, всё так же весело улыбаясь, подхватила свою корзину в полчеловеческого роста и через мгновение скрылась из виду.

Заметив, что его спутник замер на месте, Вэньли спросил:

— Ты расстроился?

— Ни капли.

Цинъюй забрал у него побеги и, шагая к дому, негромко произнёс:

— Просто завидно немного. У тётушки своя бамбуковая роща, захотела — и накопила свежих побегов, проще простого.

В их семье зимний бамбук считался деликатесом, а для неё это была обыденность. Впрочем, он был искренне благодарен соседке — сегодня на ужин будет лишнее блюдо.

Заметив, что юноша тянется за последними двумя «толстячками», Вэньли слегка отвел руку в сторону.

— Хочешь свою бамбуковую рощу?

Цинъюй, не отрывая взгляда от самых крупных побегов, честно признался:

— Хочу всё имущество.

Вэньли негромко рассмеялся:

— Тогда в будущем всё имущество будет твоим?

— А не боишься, что я разорю тебя до нитки и сбегу со всеми деньгами? — Цинъюй шутливо окрысился.

Учитель спокойно следовал за ним, любуясь его хрупкой спиной. Голос его звучал размеренно и мягко:

— Разорь, если хочешь. И беги, куда глаза глядят. Главное — меня с собой прихвати.

Цинъюй не выдержал и улыбнулся.

— Если я возьму тебя с собой, разве это будет считаться побегом?

— Отчего же нет?

За этими шутивными перепалками они и не заметили, как подошли к калитке.

Во дворе семьи Тао было шумно. Трое ребятшек, набив полные подола сладостей, с весёлым визгом носились друг за другом.

Вдруг раздался глухой удар.

Маленький Цинмяо, изображавший тигра, с разбегу врезался прямо в ноги Фан Вэньли. Учитель даже не пошатнулся, а вот малыша отбросило назад.

— Осторожно! — Цинъюй протянул руку.

Но Вэньли среагировал быстрее, подхватив ребёнка. Цинмяо, оказавшись в руках высокого гостя, мгновенно смутился; его пухлые щечки покраснели, а ручки одеревенели от неловкости.

Стоило учителю поставить его на землю, как к ним подбежал Цинъя и звонко выкрикнул:

— Гэфу!

Цинмяо, всё ещё прижимая к себе сладости, часто заморгал своими круглыми, блестящими глазами.

— Гэ... Гэфу.

— Рано ещё так называть! — Ян Цюэ подхватил обоих сорванцов, отряхивая их от пыли. — Зовите просто «брат».

— Но ведь муж старшего брата — это Гэфу, разве нет? — невинно поинтересовался Цинъя.

Ян Цюэ прикрыл ушко малютки рукой и зашептал:

— Они ведь ещё не поженились.

— А-а-а.

Цинъя подошёл к Цинъюю, прильнул к его ноге и, потянув за руку, вложил в его ладонь крепко зажатую конфету. Малыш что-то быстро забормотал себе под нос, а затем решительно кивнул:

— Всё равно Гэфу!

Ян Цюэ только глаза закатил. Что ж, объясняй — не объясняй, всё без толку.

Заметив зимний бамбук, он спросил:

— Откуда такая роскошь? Вы что, на прогулке заставили человека бамбук копать?

Фан У, услышав это, обернулся с явным неодобрением во взгляде.

— Да что вы такое придумываете? Тётушка Нянь угостила, — Цинъюй лишь беспомощно улыбнулся.

Лицо Фан У тут же прояснилось:

— Вот и славно. Почистим и обжарим с вяленным мясом.

— Я сам сделаю, — вызвался юноша.

Фан Вэньли послушно последовал за ним, желая помочь. Очистка бамбука оказалась на редкость умиротворяющим занятием. Цинъюй примостился на низком табурете, ловко прорезал ножом плотную кожуру, одним движением снимал чешуйчатый слой и отламывал верхушку. В его руках оставалась лишь нежная, ослепительно белая сердцевина.

Вэньли, наблюдая за ним, едва заметно улыбался, хотя сам работал куда медленнее и тщательнее.

Взрослые были заняты своими делами — кто готовкой, кто разговорами, но каждый то и дело бросал взгляд на крыльцо, где сидели двое молодых людей. Один был полностью погружен в работу, другой — хоть и делал вид, что занят делом, — не сводил глаз с того, кто сидел напротив.

Для всех в семье было очевидно: Фан Вэньли отдал юноше своё сердце. И каждый втайне радовался этому, стараясь не мешать их уединению.

Когда с бамбуком было покончено, Вэньли оказался не у дел. Он уже решил, что Циньюй сейчас оставит его и уйдет хлопотать по хозяйству, но юноша вдруг поманил троих младших:

— Идите-ка сюда.

Цинья прибежал первым:

— Старший брат! Гэфу!

Цинмяо, хоть и стеснялся, тоже робко пробормотал: «Гэфу». Лишь Цинцзя, сохраняя серьезность, — его выпавший передний зуб уже отрос наполовину — произнес:

— Старший брат. Брат Фан.

Этот не по годам степенный мальчик вызывал у Вэньли искреннюю симпатию. Учитель лишь слегка кивнул в ответ.

Циньюй кончиком пальца коснулся колена Фан Вэньли.

— Помоги мне.

В глазах юноши светилась затаенная надежда. Учитель, скрывая нежность во взгляде, согласно кивнул:

— Хорошо.

Заметив, что корки от холода на пальцах гээра уже подсохли и начали затягиваться, он почувствовал, как на душе стало светлее.

— Руки больше не чешутся?

Циньюй мгновенно отпрянул, словно напуганная рыбка.

— Нет. Я пользуюсь мазью, скоро всё заживет.

— М-м-м.

Убедившись, что возражений нет, Циньюй махнул рукой детям:

— Ну-ка, покажите Учителю Фану, как вы учитесь писать.

Следуя своему принципу не разбрасываться ценными ресурсами, юноша велел ребятам принести бумагу и кисти. Найдя учителю занятие, Цинъюй сел неподалеку с миской овощей и принялся их перебирать, наблюдая за уроком.

Фан Вэньли всегда был строгим наставником. Раз уж он обещал помочь, то подошел к делу со всей серьезностью. Дети, которые еще минуту назад видели в нем добродушного гостя, мигом притихли. Цинъюй, осознав, что ни кокетство, ни капризы не помогут, сидел ни жив ни мертв. Юноша, глядя на это, едва сдерживал смех.

— Юй-гээр! Овощи готовы? — послышался голос младшего папочки из кухни.

Цинъюй подхватил миску и ушел. В комнате остались только Вэньли и трое детей. Без него атмосфера мгновенно изменилась — словно живой ручей превратился в неподвижное озеро. Холодная отстраненность учителя проступила сама собой, но, помня, что перед ним братья его суженого, он старался не быть слишком суровым.

— Хочешь учиться? — спросил он.

Тао Цинцзя держал в руках старую, истертую кисть. Бумага была самого низкого качества — дешевая оберточная бумага, на которой чернила мгновенно расплывались неопрятными кляксами. Несмотря на это, мальчик сидел с идеально прямой спиной. Дописав лист, он остался сидеть неподвижно, словно молодая сосна — прямой и несгибаемый. В таком юном возрасте он обладал поразительной сосредоточенностью, а его ясный взгляд не мог скрыть жажду знаний.

Поставив последнюю точку, мальчик поднял голову.

— Твой старший брат очень хочет отправить тебя в школу, — произнес Вэньли.

Цинцзя покачал головой и тихо сказал:

— Спасибо, Гэфу.

Вэньли не стал относиться к нему как к несмышленому дитя. Услышав это «Гэфу», он лишь добавил:

— Если понадобится помощь — обращайся ко мне.

Мальчик кивнул и вернулся к своим упражнениям. Учитель, закончив наставления, отправился на поиски Цинъюя.

***

Пообедав в кругу семьи Тао, Фан Вэньли вместе с госпожой Мэн засобирались домой. В деревнях свадьбы играли просто: обменялись датами рождения, а когда сторона жениха всё сверит и выберет благоприятный день, тогда и договорятся о сроках.

Солнце клонилось к закату, расцветившая облака золотом и пурпуром. Огненно-рыжий плавно перетекал в глубокий фиолетовый, словно в сказочном сне. Когда последние отблески заката угасли, в тишине далеких гор слышались первые ночные птицы.

В доме Тао все разошлись по комнатам, масляные лампы одна за другой гасли. Фан У, как обычно, растирал тело Тао Синъюна, тихо нашептывая ему на ухо последние новости:

— Сегодня из семьи Фан приходили свататься. Мы согласились. Тот юноша души не чает в нашем Цинъюе, парень он видный и надежный. Ты бы просыпался поскорее, а то пропустишь, как родной сын из дома уходит.

Растирая мышцы, Фан У почувствовал усталость. Он забрался под одеяло, сжал ладонь мужа и приткнулся подбородком к его плечу.

— А вдруг его обижают станут... Хм?

Фан У мгновенно распахнул глаза, чувствуя под своими пальцами движение.

— Ты... ты меня слышишь?! Если слышишь, пошевели пальцем, ну же... — голос его дрогнул. Несмотря на темноту, он впился взглядом в лицо мужа.

В ладони возникло легкое, едва заметное прикосновение. На мгновение мысли Фан У замерли. Придя в себя, он крепко сжал пальцы мужа и разрыдался от счастья.

— Синъюн! Напугал ты меня до смерти!

Пальцы снова шевельнулись. Фан У прижался к мужчине, крупные слезы катились по его щекам и падали на шею мужа. Боясь ошибиться, он прерывисто вдохнул и прошептал:

— Постучи по моей ладони два раза, еще два раза.

Он затаил дыхание, боясь пропустить малейший знак. И действительно — медленно, едва ощутимо, два легких толчка.

Фан У мгновенно откинул одеяло и, забыв обо всем, бросился в соседнюю комнату к Цинъюю.

Тот рывком сел в постели:

— Младший папочка?

В темноте виднелся лишь смутный силуэт.

— Юй-гээр... твой отец... он слышит меня!

— Что?!

Цинъюй спрыгнул с кровати и, даже не обуваясь, бросился к отцу. Когда Фан У зажег лампу и снова заговорил с мужем, тот уже не реагировал. Юноша растерянно смотрел на иссохшую руку отца.

— Младший папочка, — голос его сорвался.

Фан У крепко обнял его, всхлипывая:

— Я не ошибся, он точно слышал меня. Я попросил его — и он постучал по моей ладони. Это был знак.

Цинъюй часто заморгал, только сейчас почувствовав холод. Увидев, что Фан У тоже одет совсем легко, он тут же уложил его обратно в постель. В свете лампы взгляд его абрикосовых глаз казался непривычно серьезным.

— Пока не будем говорить об этом остальным.

Они оба боялись, что надежда обернется горьким разочарованием.

— Да... я понимаю.

В порыве чувств Фан У совсем забыл, что Цинъюю завтра рано вставать. Он поспешно зашептал:

— Иди скорее спать, тебе завтра в горы.

Юноша посидел еще немного у постели, но отец так и не пошевелился. Он подбодрил папочку улыбкой и, поднявшись, задул лампу.

В душе Фан У всё еще бушевали волны радости. Он прислонился лбом к плечу мужа.

— Сянгун, только не разочаруй нашего мальчика. Мы подождем, сколько потребуется, только не торопись и возвращайся к нам.

***

***

***

***

Горная тропа

На следующее утро, наскоро позавтракав, Цинъюй подхватил корзину. Фан У снова и снова давал наставления:

— В чашу не ходи, вернись засветло. Если тебя не будет к закату — сам в лес пойду искать.

Только после клятвенных заверений сына он немного успокоился. Раньше юноша часто ходил в горы, но после несчастного случая с Синъюном Фан У стал обходить лес стороной. Зная, что Цинъюй будет не один, а с Фан Вэньли, он смог немного расслабиться.

Вскоре пришел и учитель. Поздоровавшись со старшими, он вместе с гээром отправился в путь по тропе, ведущей на запад.

Цинъюй всё еще думал о ночном происшествии. Он бросил взгляд на спутника, не решаясь заговорить.

— Хочешь что-то сказать? — спросил Вэньли.

— Мой Младший папочка говорит... что отец начал реагировать на его голос.

Вэньли на миг замер.

— Нужно позвать Чжоу Линъи.

— Он ведь недавно был.

Лекарь скажет то же самое, и если надежды не оправдаются, Фан У может этого не вынести. Цинъюй и сам не был до конца уверен в том, что произошло.

— Раз в месяц нужно ставить иглы, как раз время пришло, — заметил Фан Вэньли.

Юноша немного поколебался и кивнул:

— Тогда завтра я съезжу в уезд.

— Не нужно, пошлем А Сю. Он приехал в повозке, сейчас ждет у дороги.

Горы кормили их, но и об отце забывать было нельзя. Цинъюй посмотрел на мужчину, который снова пришел на помощь, и искренне произнес:

— Спасибо.

Вэньли остановился, взгляд его потемнел.

— Почему ты встал? — удивился юноша.

— Ты слишком часто говоришь «спасибо».

Цинъюй вскинул брови:

— Но разве не так положено?

— Не нужно быть таким официальным, — тихо проговорил учитель.

Цинъюй серьезно покачал головой и, заложив руки за спину, назидательно произнес:

— Это основы вежливости.

Вэньли улыбнулся, хотя на сердце у него стало горько.

«Вежливость — это последнее, что мне нужно».

***

Они нашли А Сю, дали ему поручение и начали медленный подъем по узкой горной тропе. Утренний туман окутывал лес тонкой вуалью, касаясь лица прохладной влагой. На листьях еще дрожали кристально чистые капли росы. Когда они проходили мимо, роса осыпалась дождем, насквозь пропитывая обувь.

Цинъюй шел впереди, мерно постукивая палкой по густой траве — так он сбивал влагу и распугивал лесную живность. По этой тропе ходили часто: те, у кого не было своих лесов, заходили глубоко в общие горы за хворостом.

Преодолев первый склон без особых помех, они спустя час добрались до цели. Гээр слегка запыхался, а вот Фан Вэньли лишь слегка разругнулся, дыхание его оставалось ровным. Юноша оперся на палку и с нескрываемым изумлением посмотрел на него.

— Ты совсем не устал?

Он считал себя выносливее многих, но не ожидал, что кабинетный ученый окажется сильнее него. Вэньли протянул ему платок и улыбнулся:

— Академия Сюаньтун построена на самой вершине горы.

— А, ну конечно, — догадался Цинъюй. — Как же я забыл.

Когда он торговал рыбой, часто видел учителя в переулках, а ведь тому каждый день приходилось подниматься в гору на занятия.

— Значит, ты каждый день так карабкаешься на уроки?

— Не совсем.

Глядя, как юноша небрежно вытирает лоб его платком, Вэньли подумал:

«После свадьбы мне придется подниматься в эти горы гораздо чаще».

Использованный платок Цинъюй машинально спрятал в карман. Немного отдохнув и напившись воды, он окинул взглядом лес.

— Сначала поставим силки, а потом поищем в лесу что-нибудь ценное на продажу.

— Хорошо.

Вэньли никогда раньше не ставил ловушки, но много раз видел, как это делает А Сю. На деле всё оказалось просто, и он быстро наловчился.

В густом лесу было сумрачно, свет едва пробивался сквозь кроны высоких деревьев. Стоило им замолчать, как тишину нарушали лишь далекие крики птиц, отчего в лесу становилось совсем пустынно. Трава под ногами шуршала и приминалась.

Цинъюй вдруг схватил Вэньли за руку, не давая ему сойти с тропы:

— Здесь часто бывают охотники, могут быть капканы. Не броди где попало.

Учитель замер, глядя на свою руку в ладони гээра. Тот неловко отвел взгляд и хотел было отпустить его, но Вэньли сам перехватил его ладонь. Запястье юноши было таким тонким, что учитель мог обхватить оба одной рукой.

— Тогда веди меня, Сяо Юй.

— Просто иди следом, — буркнул Цинъюй, поджимая губы.

— В лесу темно, я плохо вижу.

Тот бросил на него быстрый взгляд и пробормотал:

— Небось, всё зрение об эти книжки испортил.

Вэньли с самым серьезным видом кивнул:

— Есть немного.

Цинъюй нечего было на это ответить, и он не стал больше спорить из-за руки. Постукивая палкой, они вышли к перекрестку звериных троп.

— Это... след зверя.

— М-м-м.

У людей свои дороги, у зверей — свои. Там, где постоянно проходят лесные обитатели, трава растет гораздо реже. Ставить ловушки на таких тропах Цинъюй научился у деревенских охотников. Зная, что в глубоком лесу могут встретиться крупные хищники, он не терял времени.

Он сбросил корзину и принялся за работу вместе с Вэньли. Пока Цинъюй рыл яму, учитель вкапывал заостренные бамбуковые колья. Гээр не позволял ему помогать с тяжелой работой, поэтому Вэньли между делом осматривал деревья и следы зверей.

Он привык во всем полагаться на логику, и пока его спутник усердно копал, Фан Вэньли уже успел расставить все принесенные силки и крючья. Когда они закончили маскировать ловушку, прошел почти час.

Оставив метки, они принялись искать лесную добычу. Циньюй снова шел первым, внимательно прощупывая палкой заросли. Заметив на одном из стволов, покрытом густым мхом, знакомое растение, юноша просиял.

— Тепи Шэху!

Фан Вэньли подошел ближе:

— Как раз время для сбора.

— Ты разбираешься в травах? — удивился гээр.

— Читал несколько медицинских трактатов.

Тот с улыбкой кивнул:

— И впрямь, в книгах скрыты золотые палаты.

По речи юноши было видно, что и он не чужд грамоте. В лесу было влажно, ствол дерева был мощным, переплетенным лианами. На высоте нескольких метров ствол изгибался, и этот участок был сплошь покрыт изумрудным мхом. Там, среди зелени, виднелись мясистые стебли Тепи Шэху с парой-тройкой листьев.

Циньюй примерился, но достать не смог. Вэньли уже хотел попробовать сам, но юноша всучил ему ножницы:

— Подержи пока, потом подашь.

Не успел учитель и глазом моргнуть, как гээр, ловко обхватив ствол, в несколько рывков вскарабкался наверх. У Фан Вэньли сердце екнуло, он тут же подбежал к дереву, готовый подхватить его.

— Осторожнее!

Циньюй задорно рассмеялся:

— Пустяки, я с детства по деревьям лазаю. Ножницы!

Учитель потянулся и передал ему инструмент. Горы кормили многих, но в семье Тао никто не смыслил в травах, только Циньюй иногда находил ценные коренья. Если удастся собрать такое качественное сырье, день в лесу будет прожил не зря. Металл звонко щелкал. Вэньли не

спускал глаз с юноши, чьи ноги крепко обхватили ствол. Он стоял внизу, чуть расставив руки, готовый в любой миг защитить его.

— Веревку...

Вэньли заглянул в пустую корзину:

— Кончилась.

Он хотел было сохранить достоинство перед суженым, но когда дело касалось безопасности того, учитель забыл о приличиях. Боясь, что тот сорвется, он прижался к стволу и даже приподнялся на цыпочках, высоко вытянув руки:

— Давай мне, только осторожно.

Циньюй опустил руку, и Вэньли тут же перехватил целую охапку стеблей.

— Эх, если бы на каждом дереве так росло, — мечтательно вздохнул юноша, словно кот, обнаруживший на ветке рыбу.

Вэньли быстро сложил добычу в корзину и вернулся на свой пост. Взгляд его был серьезным:

— В будущем выкупим этот склон и сами будем выращивать.

Он не хотел, чтобы гээру снова приходилось так рисковать. Тот рассмеялся, глядя на него сверху вниз:

— Ого, какие у учителя замашки!

— Держись крепче! — сердце Вэньли едва не выскочило из груди.

— Не волнуйся, не упаду.

Циньюй аккуратно срезал всё, что было можно, оставив лишь молодые побеги. Убедившись, что ничего не пропустил, он начал спускаться. Вверх лезть было легко, а вот вниз — сложнее: оставшийся участок ствола был совершенно гладким и достигал двух метров в высоту.

Ноги юноши скользили, и Вэньли, не на шутку испугавшись, забыл о всякой дистанции. Как только Циньюй оказался достаточно низко, он подхватил его за талию.

— Ой! — гээр всё еще поджимал ноги, словно кот, которого внезапно подняли на руки.

— Держу крепко, отпускай дерево, — скомандовал Фан Вэньли.

Почувствовав, как сильные руки уверенно обхватили его пояс, юноша послушно разжал пальцы. Учитель, обладавший недюжинной силой, даже не шелохнулся. Он медленно отступил на два шага, буквально «сняв» юношу с дерева.

Оказавшись на земле, Цинъюй принялся отряхивать одежду от мха.

— Я же говорил, что всё будет в порядке.

Вэньли смотрел на него в упор, взгляд его был глубоким и темным, как ночной омут. Юноша вдруг почувствовал странную робость. Он потер щеку тыльной стороной ладони, пряча глаза, и тут же отвернулся, делая вид, что очень занят поисками.

Его спутник подхватил корзину и последовал за ним. В душе он надеялся, что больше ничего на деревьях не найдется. Но стоило ему об этом подумать, как Цинъюй запутался ногой в ползучих стеблях и с коротким вскриком полетел вперед.

Вэньли бросил корзину и молниеносно перехватил гээра за талию, прижимая к себе. Взгляд его был мрачным и тяжелым, словно у разъяренного зверя. Цинъюй, чей пульс бешено колотился от испуга, вцепился в ворот халата мужчины, прижавшись к его груди.

Он поднял голову и нервно сглотнул:

— С-спасибо...

Вэньли обнимал его так крепко, что мог обхватить одной рукой. Он медленно разжал челюсти, голос его охрип от пережитого страха:

— Будь осторожнее.

Он не мог вынести даже мысли о том, что юноша пострадает у него на глазах.

— Х-хорошо.

Лицо прекрасного учителя было совсем рядом. Цинъюй чувствовал под ладонями его крепкие мускулы, и сердце его забило еще неистовее. Вдруг он вспомнил, что в прошлой жизни у него осталось одно сожаление... Он ведь так ни разу и не влюбился по-настоящему.

Оказавшись в кольце рук Вэньли, окутанный его ароматом, юноша почувствовал, как к кончикам его ушей приливает жар.

— От... отпусти меня.

Кадык Вэньли дернулся, он лишь крепче сжал объятия:

— Ты меня напугал.

— А? — Цинъюй мгновенно забыл о смущении и в изумлении уставился на него.

Вэньли наконец отпустил его, опустив веки, чтобы скрыть вспыхнувший в глазах огонь.

— Чтобы это было в последний раз.

— Конечно, больше не повторится.

Хм... Фан Вэньли снова ведет себя странно.

Цинъюй отвернулся и сердито пнул лиану, которая его запутала. Но, приглядевшись к ней, он вдруг радостно вскрикнул:

— Ецзяотэн!!!

Он присел перед зарослями и весело помахал рукой за спину:

— Маленькую мотыжку! Скорее!

Вэньли тяжело вздохнул.

— Давай я сам.

Но юноша его не слышал, он уже всю разгребал траву.

— Смотри, какой толстый корень! Быстрее, быстрее!

Учитель лишь беспомощно посмотрел на гээра, свернувшегося клубочком над своей находкой.

— Иду. Береги руки.

<http://bllate.org/book/15858/1500326>